

К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ XVII

556/38г.

Рис. Бор. Ефимова

НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПИРШЕСТВО

Бездны гнусности

Десятки и сотни лет существовали непоколебимые эталоны человеческой подлости. Провокатора сравнивали с Евно Азефом и Гапоном; политического хамелеона—с Жозефом Фуше; изменников родины—с генералами Сухомлиновым и Стесселем; отравителей—со средневековыми папами и Лукрецией Борджиа.

Как наивны, как недостаточны, как убоги сейчас эти образцы!

Каким жалким щенком выглядит Стессель в сравнении с «академиками» подлости: Троцким, Бухариным, Рыковым и другими. Провинциальным шпииком кажется Гапон по сравнению с Ягодой. Убого выглядит рядом со всеми этими Крестинскими, Раковскими, Икрамовыми и их присными классик предательства Евно Азеф.

В эти дни, в марте 1938 года, два события потрясли весь мир: вернулась на «Большую Землю» героическая четверка папанинцев, и в то же время начался в Москве процесс «право-троцкистского блока».

Два события—два мира.

Сердца ста семидесяти миллионов советских праждан, сотен миллионов пролетариев и честных людей всех пяти частей света переполнены гордостью за строй, который родит героев, подобных папанинцам, за единственно справедливый и достойный человечества социалистический строй, за великий наш Советский Союз.

На светлом и радостном фоне наших побед зловещими тенями самых мрачных сил старого, уходящего мира чернеют фигуры обермерзавцев из «право-троцкистского блока».

Выкорышки Гестапо и царской охранки, польской дефензивы, японских разведчиков и английской «Интеллиженс сервис», преданные холоуи верного раба мирового фашизма Иудушки-Троцкого, они чувствовали себя бесконечно одинокими на скамье подсудимых, вдали от своих хозяев.

Они прикидывались на процессе правдивыми, эти гадины, еще двадцать лет тому назад готовившие убийство лучших людей человечества.

Припертые к стене, эти фашистские молодчики пытались играть в искренность. Но все мы знаем истинную цену «искренности» людей, лицемерно разыгрывавших друзей трудящихся и таивших в то же самое время в своей душе страшную

тайну заговора против нашей родины, против дела мира, против социализма, против вождей коммунизма.

Предательство часто называют «иудин грех», но при этом сплошь и рядом забывают, что Иуда не выдержал упрямений совести и повесился.

Фашистский ангелочек Бухарин встретил Алексея Максимовича Горького, возвратившегося из-за границы, широко раскрытыми объятиями и поцелуями. Он славословил его в статьях и речах и в то же время организовал убийство гениальнейшего писателя пролетариата.

Авторитет гуманнейшей из наук—медицины—мерзавцы из «право-троцкистского блока» использовали для того, чтобы под ее прикрытием умертвить рыцаря пролетариата чекиста Менжинского, пламенного большевика Валериана Куйбышева. Кровь леденеет в жилах, когда один за другим все эти Бухарины, Рыковы и Ягоды деловито и спокойно рассказывали о том, как они убили трибуна революции Сергея Мироновича Кирова.

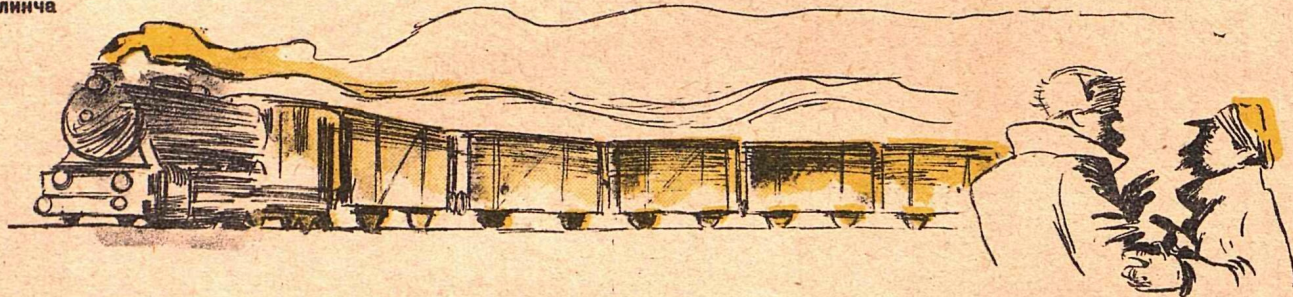
Все темные силы прежней царской России объединились в заранее обреченной на неудачу борьбе против социализма: царские охранники и шпионы германской и прочих разведок, бывшие правые и бывшие «левые», бухаринцы и зиновьевцы, троцкисты и «беспартийные» садисты типа Плетнева, ошметки эсеровской и меньшевистской партий. Как эта кучка фашистских негодяев ничтожна перед лицом ста семидесяти-миллионного советского народа, крепко сплоченного вокруг коммунистической партии и ее вождя—товарища Сталина!

Фашистские агрессоры потерпели сокрушительный удар. Славная советская разведка, руководимая сталинским наркомом Николаем Ивановичем Ежовым, ликвидировала банду остервенелых фашистских шпионов и убийц. Такая же судьба постигнет и тех, кого фашистские разведки и генеральные штабы попытаются заслать к нам взамен бухаринско-рыковской банды.

Пройдут десятки и сотни лет, давно уже установится во всем мире светлое царство коммунизма, но будут всегда окружены позором и презрением отвратительные, мрачные имена мерзавцев, стертых с лица земли суровым и справедливым приговором советского суда.

Рис. А. Каневского

СТАНЦИЯ РАСХЛЯБИНО

Дежурный по станции Расхлябино стоял возле машиниста Никифорчука, безмятежно смотревшего куда-то вдаль. Вся фигура дежурного, от примятой красной фуражки до неаккуратно зашнурованных ботинок со стоптанными каблуками, выражала полную растерянность. Нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, дежурный торопливо говорил машинисту:

— Да пойми ты, товарищ Никифорчук, обязательно ехать надо. Состав сформирован. Машина твоя в полной готовности. Маршрут выписан. Чего тебе еще надо? Свистнул да поехал...

— Свистнуть можно. Свистнуть — это нам пара пустяков, товарищ дежурный. Только ехать мне никак невозможно.

— Да почему же невозможно?

— Невозможно — и все тут. Время не выходит.

— Куда?

— Чего, куда?

— Время куда не выходит?

— Не куда, а вообще. Расчету мне нет ехать. Потому перегон тут на четыре часа. А у меня через три с половиной часа время кончается. И ехать мне никак невозможно.

— Да пойми ты, не могу я допустить, чтобы состав тут болтался без толку.

— Это уж вам виднее. Составу, конечно, болтаться не след. Это мы понимаем. Не дураки ведь.

— Ну, вот. А я что говорю? Я и говорю, что отправлять надо. Так поезжай!

— А вот мне-то ехать никак невозможно. Потому время не выходит. Я тоже не обязан по полчаса перерабатывать.

— Вот какой ты человек!

Да засчитаем мы тебе твои полчаса!

— Ишь, обрадовал, засчитаем. Мне твоих засчетов не нужно. Мне, может, интересно свое отработать.

— Да ведь пока мы с тобой тут растабарываем, ты бы уж давно поехал и никакой переработки не было бы. Чудак ты эдакий...

— Ну, это вы полегче. За чудака вы очень просто ответить сможете. Я, может, в местком подам за чудака. Ишь, какой нашелся! А ехать мне никто не приказывал.

— Как никто? Я тебе уже, почитай, полчаса толкую — поезжай, поезжай, а ты говоришь — не приказывал.

— Вона! Нешто ж так приказывают? Вы говорите, я говорю. Значит, приказу-то и нету, а есть один разговор. Приказ — он дело другое. Приказ — тут ничего не скажешь. Я ведь не маленький, я дисциплину тоже понимаю.

— Вот заладил: приказ, приказ. С тобой по-человечески говорят, а ты — приказ. Ну, товарищ Никифорчук, поезжай, пожалуйста.

— Опять поезжай. Ну что мне с тобой, товарищ дежурный, делать? Ладно уж, поеду. Переработки-то вон уж больше часу набегит. Да человек ты неплохой. Надо же уважить тебя. Ладно. Давай маршрут и тащи главного.

— Ну вот и хорошо. Счастливо доехать, товарищ Никифорчук.

— И вам также счастливо оставаться.

Дежурный облегченно вздохнул, сбил красную фуражку на

затылок, повернулся, намереваясь направиться в контору, и застыл в недоумении. На пятом пути стоял совершенно готовый порожний состав, который должен был еще часа два назад отправиться на юг.

— Это что? Почему состав стоит? Кузьмичев! Где Кузьмичев? — и дежурный мелкой рысцой понесся в контору.

— Товарищ Кузьмичев! — закричал он, вбега в диспетчерскую. — Что же это такое? Почему порожняк не отправлен?

— Какой порожняк?

— Да южный же, господи твоя воля! Ведь ему уже часа два назад надо было отправиться...

— Не знаю. А где Дзюба?

— Дзюба? Какой еще Дзюба на мою голову?

— Что значит, какой? Главный кондуктор.

— А я откуда знаю, где главный? Состав он принял?

— Принял.

— Документы взял?

— Взял.

— Где же он?

— А кто же его знает, где он.

Вдвоем, диспетчер и дежурный, поскакали к составу. Добежав до паровоза, они накинулись на машиниста, взволнованно выглядывавшего из будки.

— Почему стоите?

— Чорт его знает, почему. Главный отправления не дает.

— Да где же он? Где Дзюба? Дзюба! Дзюба-а-а!

Через полчаса Дзюбу разыскали в бригадной. Подложив под голову сумку, главный кондуктор мирно храпел.

— Товарищ Дзюба, а товарищ Дзюба!

— А-а-хм!

— Да вставайте же! Вот чорт возьми! Вставайте, говорят вам. Ехать надо!

— А-а-хм! А-а-а! — сладко зевал и потягивался Дзюба.

— Чего? Куды ехать? Кто это? Ах, это вы, товарищ дежурный? Чего это вы так шумите?

— Как чего? Ведь вам же давным-давно ехать надо было. А вы спите.

— А что же мне не спамши, что ли? Состав, он не убежит.

— Да поезжайте, пожалуйста. Что же это такое?

— Ну, ну, не ворчите, поеду.

Охая, потягиваясь и позевывая на ходу, Дзюба поплелся на пятый путь, где, ожидая его, стоял готовый к отправлению состав.

Вечером, сменившись, дежурный, сидя дома, рассказывал жене:

— Понимаешь, дорогуша, невозможно работать с нашими людьми. Пока одного уговоришь, пока другого уломаешь, времени уходит уйма. Все составы из графика вылетают.

Коля, — робко перебила его жена, — а ты бы не уговаривал. Ты бы приказывал.

— А я чего делаю? Как еще тут приказывать?

И дежурный, тяжело вздохнув, отодвинул от себя недопитый стакан чаю и, загрузив, о чем-то задумался.

Е. ЕФРЕМОВ, Л. ИВИЧ

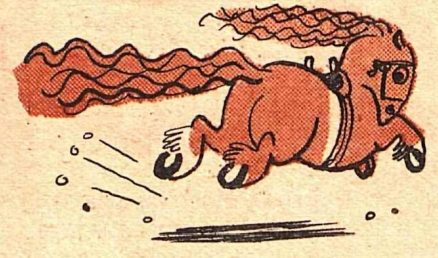
Рис. Л. Бродаты

ВО ВСЕСОЮЗНОМ ОБЩЕСТВЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЕЙ

- Ну, как с вашим изобретением? Говорят, у него большое будущее.
- О да. Ждать ответа, вероятно, придется не менее года.

Казенная грива

Убедившись, что похищение Людмилы — дело рук Черномора-волшебника и обладателя полнощных гор, Руслан вышел от старца и собрался уже сесть на коня, но здесь выяснилось, что конь отсутствует. Подозревать Фарлафа или Ратмира было бы по меньшей мере легкомысленно. Коня никто не похищал. Его просто не было. Реквизиторский цех кинофабрики не успел доставить коня на с'емку.

Осветители выключили свет. Оператор облокотился на штатив. Режиссер посмотрел на часы. Помреж выскочил из пещеры и помчался к реквизитору. Через полчаса в павильон ввели коня.

Казалось, что это мощное гужевое создание с гордо посаженной головой и толстыми мохнатыми ногами убежало с картины Васнецова «Три богатыря», заставив одного из них действовать в пешем строю.

Реквизитор самодовольно усмехнулся и похлопал коня по сытой шее:

— Красив подлец. А?..

Режиссер задумчиво посмотрел на коня, перевел взгляд на помрежа и обратился к реквизитору:

— Что это?

— Конь!

— Нет, это не конь!

— Это лошадь! — догадался помреж.

Режиссер повысил голос:

— Это не лошадь! Это фальсификация!.. Где у этой лошади грива?..

Творческая группа посмотрела на режиссера.

— На этого коня я Руслана не посажу, — продолжал режиссер. — Чем этот конь лучше такси? Пусть Руслан ищет свою супругу на персональной машине!.. Пожалуйста!

— Не волнуйтесь, товарищи, есть выход, — сказал помреж, — примерный цех слепает коню гриву!..

С помрежем быстро согласились и бодро отменили с'емку. Людмила с волшебником Черномором вышли из буфета, где они скрывались от Руслана, и направлись в костюмерную.

На утро прибыл ответ примерного цеха: «Коней для с'емки доставляет реквизиторский цех. Мы конский состав не гримируем. Надо иметь соображение и совесть. Нач. цеха Усенко».

Трое суток после этого на фабрике было не до коня. Жалостливая судомойка приносила ему время от времени кой-какие кухонные остатки, которые ни один уважающий себя конь при дру-

гих обстоятельствах ни в коем случае не удостоил бы даже взглядом.

Трое суток реквизиторский цех боролся с примерами и, наконец, сломил их сопротивление.

Через пятидневку эпическое животное осмотрели режиссер с художником. Конь немного похудел, но был все же красив. Огромная волнистая грива спускалась до земли.

Здесь художнику пришла в голову интересная мысль: выкрасить конские копыта в серебряный цвет. Такое противоестественное мероприятие, по замыслу художника, должно было отразить самодурство и произвол феодалов, позволяющих себе все, что угодно, в отношении вверенной им тягловой силы.

— Правильно, — сказал режиссер. — Это — то, что нужно! Ведите коня в малярный цех!..

Оформление заказа — наряда на копыта — заняло не больше семи дней.

Все это время коня таскали по разным инстанциям. Увязывали его, согласовывали, водили на просмотр квалифицированных консультантов по копытам. Было выписано великое множество ордеров и нарядов, кроме одного — наряда на овес. Консультант по овсу как раз в это время был в кратковременной командировке для изучения биологических процессов освоения лошадьми концентрированных кормов. На восьмой день помреж поехал верхом на легендарном коне в общежитие студии, где проживал начальник малярного цеха. Подпись была получена. Через трое суток нашли подходящий колер, и копыта коня заблестели серебром.

Сцена выхода Руслана из пещеры переснимались.

— Коня мне, борзого коня! — появляясь из пещеры, сказал Руслан.

Реквизитор вывел под уздцы бывшую фальсификацию. Режиссер посмотрел на лошадь и сказал:

— Стоп! Выключить свет!..

Осветитель дернул рубильник.

— Что это? — спросил режиссер.

И творческой группе представилась грустная картина.

Покачиваясь на похудевших ногах, мучительно напоминая борзую, стоял конь. У него торчали маслаки и ясно обозначились ребра.

Руслан молча влез в седло. Видавший виды конь пошатнулся!..

Режиссер махнул рупором:

— Руслан, слезайте с коня!..

— Матвей Захарыч, вы слышите, слезайте с коня, — сказал помреж, — мы его передадим!..

— Куда передадим? — спросил режиссер.

— Мы его передадим детской студии. Они снимают «Дон-Кихота». Сейчас я позову ихнего режиссера.

Через несколько минут вошел режиссер «Дон-Кихота». Он подошел к лошади, посмотрел ей зачем-то в зубы и тоном барышника произнес:

— Беру!

Группа «Руслан и Людмила» перешла в другой павильон снимать замок Черномора, а помреж по картине «Дон-Кихот» поехал оформлять приемо-сдаточный акт на лошадь.

Через пятидневку акт был в основном оформлен. Задерживала только виза консультанта сценарного отдела, подтверждающая, что образ коня созвучен идеологии иллюзорно-настроенной рыцарской прослойки. После утверждения акта юристом и бухгалтером конь был передан группе «Дон-Кихот».

В день с'емки эпизода «бой», на площадку около павильона, где были выстроены ветряные мельницы, помреж привел оформленного, наконец, всеми инстанциями коня.

Режиссер посмотрел на кандидата в Россинанты и застонал. Перед его очами стоял веселый, отдохнувший, изрядно разжиревший конь. (Консультант по овсу уже вернулся из командировки).

— Что это такое?.. На этого битюга я Дон-Кихота не посажу. Это антиисторично и идет вразрез с классикой!..

— Одну минуточку, — сказал художник, — есть выход!..

Вспотевший в доспехах Дон-Кихот поднял забрало и с надеждой посмотрел на художника.

— В сценарий нужно внести исправления, — продолжал художник, — всюду, где написано «ветряные» мельницы, напишите «водяные». Декорация будет готова послезавтра. Дон-Кихот будет не скакать, а плавать. Это даже свежей!..

— Да действительно, это будет свежей, тем более, что вода холодная, — подтвердил помреж и равнодушно облокотился на коня. Но взывавший конь внезапно заржал, ударил стоявшего неподалеку режиссера серебряным копытом и, трягнув казенной гривой, убежал в степь.

БОРИС ЛАСКИН

Короткие рассказы

Неприятность

С утра у Новожилова заболело горло. Новожилов позвонил в поликлинику, вызвал врача.

— Доктор у вас будет сегодня, — сообщила дежурная.

— «Сегодня»? — иронически повторил Новожилов, но дежурная уже повесила трубку.

Новожилов вернулся в комнату. В комнате было грязно, накурено, на серой простыне валялась кепка приятеля.

— Надо бы прибраться! — сказал хрипло Новожилов. — Да еще когда этот врач прилетится.

— К вечеру жди, — сказал приятель, расставляя шашки.

Через час кто-то позвонил. Завязав горло, Новожилов открыл дверь. Молодая румяная женщина с портфелем спросила:

— Больной Новожилов здесь живет? Я доктор.

— Я Новожилов, — забормотал Новожилов. — Я не ждал так скоро. Там ремонт.

— Все равно!

Докторша осмотрела комнату, осмотрела Новожилова и сказала:

— Вечно болеть будете! В таком свиарнике живете!

— Я не ждал т-так быстро, — заикаясь и краснея, бормотал Новожилов.

— Некультурность!.. И газет еще не читаете!

— Почему вы знаете?

— Прочитали б, что нам автомобили теперь даны.

Новожилов смотрел в окно, пока докторша садилась в автомобиль, потом схватил веник:

— Фу-ты, как неприятно! Вспотел, что после аспирина!

Зависть

В Ленинграде, по одному из бывших царских дворцов, шаркая туфлями, надетыми поверх ботинок, бродила из зала в зал экскурсия.

Один из экскурсантов с бородкой клинышком, показывая на стулья, затянутые веревочками, постоянно справлялся у экскурсовода:

— А почему, интересно, такие стулья стоили?

— Да уж немало. Это ж художественная работа!

— И к тому же ножки золоченые. Я полагаю цена-а-а им была! — вздыхал экскурсант, потряхивая бородкой.

Наконец, остановились у трона.

— Вот так стульчик! — ахнул бородатенький экскурсант.

— Это не стульчик, а трон. Он украшался бриллиантами, отделялся бархатом, золотом.

— И цена ж ему, наверное, была-а-а!.. — с завистью прищелкнул языком экскурсант.

— Да что вы все с цены подходите, вы на работу обратите внимание.

— В мебельной работе не меньше вашего понимаем, — обиженно сказал экскурсант, — сам мебельной фабрикой управляю. А главное дело цена. Один такой трончик выпустил, глядишь и план в рублях выполнил... А теперь. Ловчишься подороже кабинеты для учреждений выпускать, так тебя в газетах костерят, почему дешовые диваны да табуретки забыл. Вот тут и крутись с табуретками проклятыми!..

Уже когда экскурсия завернула в следующий зал, бородатый экскурсант, завистливо вздохнув, еще раз посмотрел на трон: сильно он тронул его торгашеское сердце.

В. ТОБОЛЯКОВ

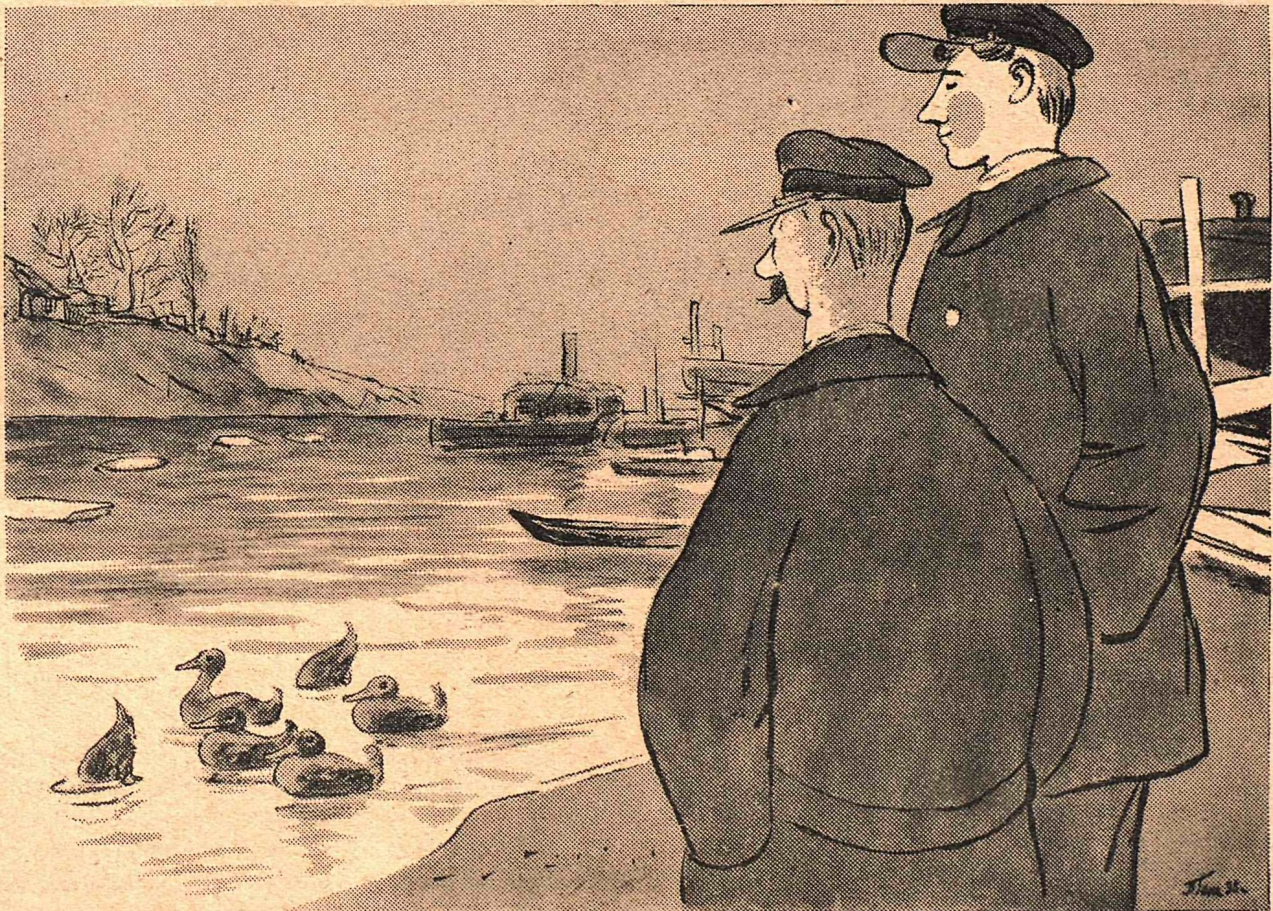

Рис. Генча

НА СУДОРЕМОНТНОЙ ВЕРФИ

— Смотри, утки уже навигацию открыли.
— Еще бы! Они у нас в ремонте не были.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ОДНОГО Р

Конец легенды

Товарищ Папанин стоял у обрыва, на самом краю льдины. Пес Веселый, которого он держал на короткой цепочке, истошно мяукал и рвался вперед, в заманчиво раскрытые двери второго подъезда.

— Не лаять, Веселый! К порядку, — одергивал его хозяин. — Знаешь, Теодорыч, собаку волнует свет прожекторов.

Не отрываясь от ключа, розовощекий, выхрастый Кренкель понимающе кивнул.

— Эй, на «Таймыре»!

— Есть, на «Таймыре»! — откликнулись где-то совсем рядом, у дощатого высокого забора.

— Ну как у вас, плывете?

— Плыдем, товарищ Папанин. Только у нас кильватер заело, лед восемь баллов... Полезли отцеплять.

— Держитесь крепче! Товарищ Федоров, давайте метео...

Федоров протянул начальнику дрейфующей зимовки синий бланк с таинственными иероглифами. Бланк был просто обложкой ученической тетради, но

Папанин дипломатически сделал вид, что не заметил.

— Ну, то-то! — значительно произнес он. — Меридианы, значит, без перемен?

Лицо известного магнитолога просияло.

— Промер дна?

Ширшов потрогал смоленый канат и заявил:

— С ручками! Три тысячи метров.

— Порядочно... Ну, не беда, — обнадежил друзей Иван Дмитриевич.

Орудя большим заржавленным клю-

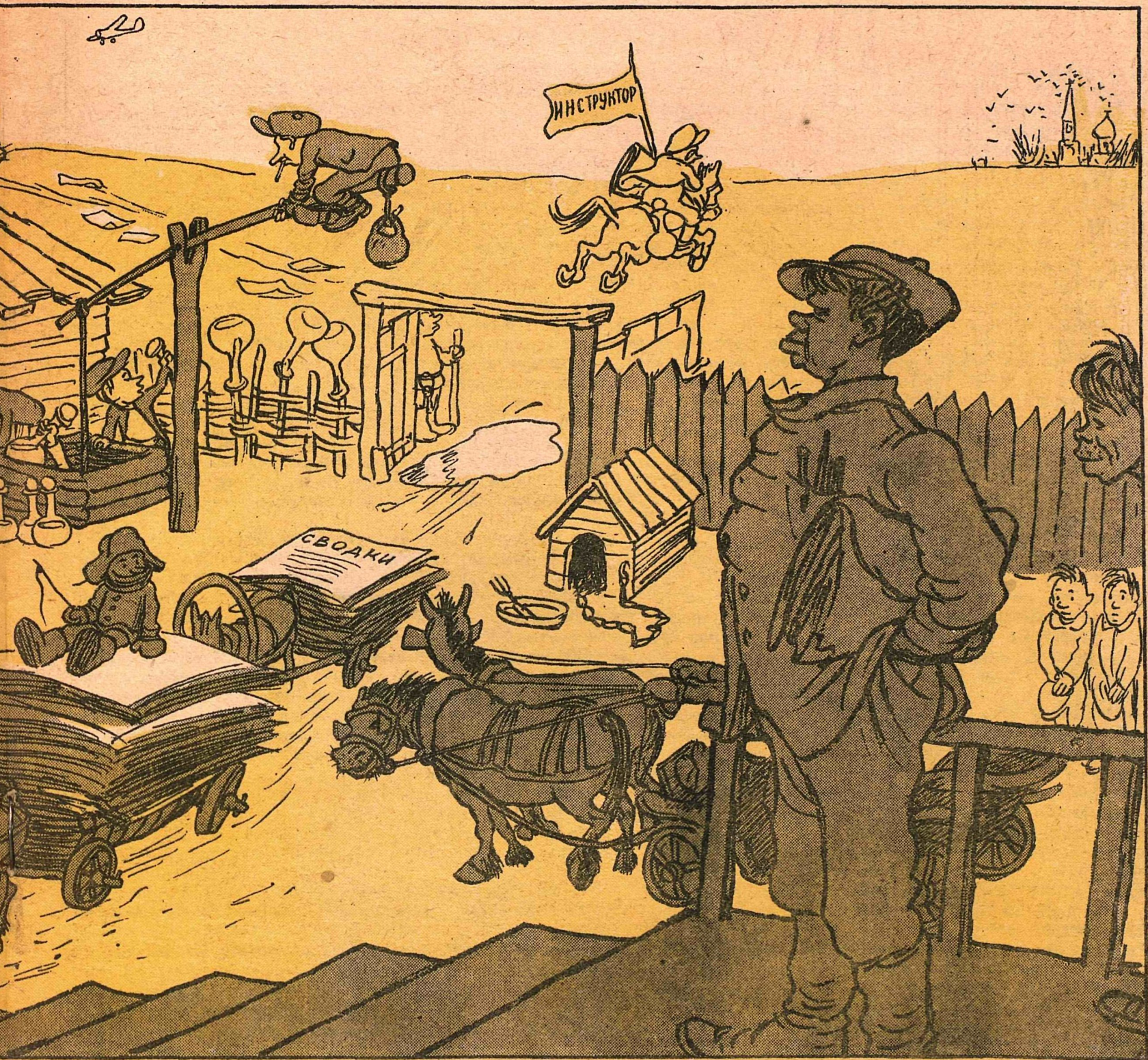

Рис. И. Семенова

районного комитета комсомола.

оного дрейфа

чюм от амбарного, очевидно, замка, Кренкель сосредоточенно выстукивал радиотелеграмму.

— Ну как, Теодорыч?

— Неважная слышимость: аккумуляторы сели.

— Ты непременно передай, что Веселый жив и здоров, про это нигде не пишут, а всем интересно...

Вдруг совсем близко послышался шум мотора.

— Сейчас будем жребий тянуть, нам с Кренкем надо на «Мурман», а вам —

на «Таймыр», — озабоченно сказал Папанин.

Мотор взревел еще раз у самой льдины и смолк.

— А ну, слезай в момент, что это вам, игрушки привезли?! — закричал дворник Андрей Тимофеевич.

Мякнув в последний раз, освободившийся Веселый поднял хвост трубой и юркнул в подворотню. С грузовика принялись сбрасывать вторую партию громадных голубых глыб. Вместе со льдиной, которая только что героически дрейфовала

у далеких берегов Гренландии, мягко шурша по жолобу, лед отправлялся в черные недра подвала. Папанинцы с грустью провожали его глазами.

— А Маша из девятого номера просилась в Шмидты, возьмем? — неожиданно спросил Ширшов.

— Не сможет: у Шмидта борода! — отрезал Федоров.

Знаменитый гидробиолог покраснел и шмыгнул носом.

— Она будет командой, — примиряюще решил Папанин.

В. ИОРДАНСКИЙ

Звезда «Эскулапа»

— Та-ак! — протянул Крушин. — Значит, с сердцем, говоришь, у тебя неважно?

— Да. И с почками тоже. Потом еще дыхание и этот, как его, под затылком...

— Мозжечок?

— Вот именно. С мозжечком как раз и жидковато.

Гапочкин безнадежно махнул рукой. Председатель бюро физкультуры и член центрального совета спортобщества «Эскулап» Крушин с изумлением посмотрел на чемпиона. Меньше всего Гапочкин был похож на человека, терзаемого такими страшными недугами. Помолчали. Наконец, Крушин, отвечая своим мыслям, горько произнес:

— Напрасно, значит, старались. Эх, пропадет теперь команда. Где уж нам тягаться, если чемпион болен?

— Какая команда? Кто болен? Ты что, рехнулся?

— Я рехнулся? Я! — вдруг истерически закричал Крушин. — А у кого разжижение мозга, у кого сердце шалит? А почки?! У кого почки, я тебя спрашиваю?

— У всех почки, это-то и плохо, — ответил Гапочкин и криво улыбнулся. — И сердце, как на зло, у всех. Только ты не волнуйся, к спартакиаде-то я готов, а вот...

— Готов? — восхитился Крушин. — Здоров? Милый, ты мой, что ж ты пугаешь человека?

— Я не пугаю. Я к зачету, понимаешь, к зачету неготов.

— Всегда ты с пустяками. Подумаешь, зачеты. Ты, главное, тренируйся, помни, что в машиностроительном есть Рюхин, а он в прекрасной форме. А насчет зачета я с профессором поговорю. Не было еще такого, чтоб чемпионов срывать. Ну, пока! Отдыхай!

И Гапочкин остался наедине с книгами по сравнительной анатомии, схемами кровеносной системы, гантелями и вчера только сваренной прекрасной мазью для лыж. Он не знал еще, грустить ему или радоваться. С одной стороны, Медицинский институт не может выгнать чемпиона за день до спартакиады из-за каких-то трех «неудов». С другой же стороны, студенту не вредно сдать хотя бы один зачет. Последнее же — Гапочкин прекрасно знал это — для него недоступно.

Дело в том, что спортивная знаменитость, тяжелоатлет и лыжник — Константин Гапочкин — никогда не отличался жадностью знаний и не видел большой нужды в них. Девушки его любили за рост и славу, друзья — за открытый характер, а все остальные — за рекорды. В Институт его устроило спортивное общество.

С гордостью вспомнил Гапочкин анкету, которую он заполнял при вступлении: «Род занятий? — Поднятие тяжестей, лыжи, волейбол». «Образовательный ценз? — Краткосрочные курсы спортиструкторов». На полях он приписал: «Дополнительные сведения: поставил рекорд в рывке левой».

А Крушин тем временем развивал активную деятельность. Узнав о том, что зачет у Гапочкина будет принимать профессор Артемьевский, он начал моральную обработку этого пожилого и флегматичного человека.

— Знаете, профессор, — как бы невзначай заметил Крушин, захватив Артемьевского в гардеробе, где тот получал калоши, — лыжи очень трудный спорт.

— Возможно, — согласился профессор, — очень возможно.

— Возможно? Это доказано, профессор! Это бесспорно! Вы направо? Чудесно. Нам по пути. Да, так о чем это мы? Ах, о лыжах... Человек уходит в лыжи с головой! Понимаете, весь!

Профессор ускорил шаг. Крушин еле поспевал за ним.

— Вы, конечно, думаете, что Рюхин обойдет всех? Признаться, думаете?

— Гм, — буркнул профессор и сделал неопределенный жест, очевидно, означающий, что он не составил себе мнения по этому вопросу.

— Вы ошибаетесь! Да, да, ошибаетесь, — горячо продолжал Крушин. — Гапочкин...

— Гапочкин, — вдруг оживился профессор, — студент Гапочкин, который...

— Ну да, чемпион Гапочкин, который...

И Крушин произнес восторженный панегирик в честь чемпиона.

— Таких людей надо ценить! Уважать! Носить на руках! — вдохновенно закончил он.

Весь следующий день Крушин посвятил дообработке профессора. Он встретил его утром в подезде, задержал на час в канцелярии, провел с ним все перерывы, снова горячо рассказывая о лыжах, о чести Института, о спортобществе «Эскулап», а главное, о Гапочкине. На лекциях в этот день профессор получал многозначительные записки: «Хороших лыжников у нас не так уж много! Крушин», «Профессура должна поддержать лучшую часть студенчества. Круш.», «Лыжи — это нам не коньки! Кр.», «А Гапочкин-то, а? К.».

К вечеру профессор заметно сдал и, обреченно улыбаясь, сам обратился к Крушину:

— Очень, очень интересно будет познакомиться с таким выдающимся молодым человеком...

Встретились после этого с Гапочкиным, Крушин успокоительно подмигнул и выставил большой палец.

И все же на зачет Гапочкин пришел, заметно волнуясь. Он опасливо покосился на скелет и боком подошел к профессорскому столу.

— Гапочкин, — скромно отрекомендовался он.

— А, слышал, как же, — с неожиданным радушием приветствовал его профессор. — Очень рад побеседовать с вами. Очень! Знаете, товарищ Гапочкин, у вас тут такая слава, столько поклонников, что я даже позавидовал вам. В ваши годы я не пользовался такой популярностью.

Последние слова профессора заставили Гапочкина снисходительно улыбнуться. «Не подкачал Крушин», — подумал он и, несколько приободрившись, взял листок с вопросами.

— Ну, — спросил профессор, — что у вас?

— Головной мозг, — прочитал Гапочкин и робко начал: — Головной мозг — это тот, который в голове...

— В черепной коробке.

— Вот именно в ней. Там еще корочка есть.

— Вы хотите сказать: корка.

— Вот, вот, корка, — поспешно согласился Гапочкин и отметил про себя: «Помогает. Можно смелее». И проявил инициативу:

— Там, где-то — еще мозговой сок.

— Может быть, желудочный? — иронически предположил профессор.

— Или желудочный, — уступил авторитету Гапочкин.

Затем он пытался убедить экзаминаторов в том, что признаками подагры являются красноватый налет в горле и головные боли, неуверенно предположил, что камни в печени надо находить, взвешивая печень до и после проникновения минералов, и, наконец, в ответ на просьбу показать, где находится плюсна, подошел к скелету и долго рассматривал плоскую грудную кость.

А на другой день он пришел к Крушину и, не глядя ему в глаза, сказал:

— Каюк! Завалился. Исключили. Сегодня ездил поступать в машиностроительный, — и зло добавил: — Приняли! Теперь мы с Рюхиным вместе дадим перцу вашему «Эскулапу»!

И, хлопнув дверью, он вышел. Крушин тупо посмотрел ему вслед и тут только, поняв, что произошло, застонал.

— Оба чемпиона, оба в машиностроительном, — мрачно произнес он.

Крушин изрыгнул страшную хулу по адресу профессора и уронил голову на стол, рядом с образцом знаменитой лыжной мази Гапочкина. В этот момент зазвонил телефон.

— Да. Крушин. Кто? Рюхин? Что, что? Были зачеты? Завалился? Прекрасно! Исключили? Очень хорошо! Уже приняли к нам? Замечательно. Скорее заходи ко мне...

Положив трубку, Крушин блаженно улыбнулся и задумчиво произнес:

— Не понимаю я все-таки наших профессоров...

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Прогулка на машине

Живу я в Москве, на Потылихе, в коммунальной квартире. Но предупреждаю, что ни я, ни Потылиха, ни коммунальная квартира к этой истории не имеют никакого касательства.

Упомянул же я об этом только потому, что рядом со мной в квартире проживает почти заслуженный артист Республики некто Ярцев.

— Приблизительно лет через девять, — говорит он, — исполнится двадцатипятилетие моей плодотворной сценической деятельности. И тогда я обязательно получу заслуженного. Мне уже об этом намекали...

Так вот живет Ярцев у нас на Потылихе. А в Сокольниках проживает его приятель, работник крупного треста, инженер-электротехник, некто Щедринцев. И к этому инженеру прикреплен трестовская легковая машина «М-1» для срочных деловых поездок.

Ярцев и Щедринцев знают друг друга давно. Актер часто дает инженеру контрольные билеты в театр. Инженер не остается в долгу и к концу всех спектаклей подбегает с женой к рампе и оба истощенными голосами кричат: «Ярцева, Ярцева!»

Однажды даже недоразумение вышло. Ярцев заболел и его заменил другой актер. Супруги Щедринцевы, не зная об этом, долго, на удивление всей публики, кричали у рампы, бешено аплодируя: «Ярцева, Ярцева!»

Но все это мелочи и пустяки. Речь идет о другом. Я хочу вам рассказать, как интересно провели недавний выходной день Петр Егорыч Ярцев и его жена Зинаида Михайловна.

Погода была солнечная, мягкая. Но дело не в погоде, а в машине. Инженер из Сокольников рано утром позвонил по телефону Ярцевым:

— Вы дома? — спросил он Петра Егорыча.

— Да, мы дома, — сознался Петр Егорыч.

— Что собираетесь сегодня делать?

— Еще не знаем.

— Хотите прокатиться на машине?

— Большое спасибо, Иван Кузьмич. А как же вы сами...

— Чепуха! Мне сегодня машина не нужна. Возьмите ее часа на два-три. А с горючим у нас в этом месяце благополучно. Даже останется бензин. Не выливать же его.

— Большое спасибо, большое спасибо, воспользуемся вашей любезностью, Иван Кузьмич. Кстати, напоминаю вам, что через три дня у нас премьера. Так что не забудьте... Не стоит благодарности. Такая мелочь...

Не прошло и получаса, как машина подъехала и остановилась у подъезда. Супруги Ярцевы были очень польщены, когда шофер открыл дверцу машины,

гостеприимным жестом попросил их садиться и добавил:

— Иван Кузьмич просил передать привет.

— Как здоровье Нины Яковлевны? — спросила шофера Зинаида Михайловна.

Нина Яковлевна — это жена инженера Щедринцева.

— Спасибо, — ответил шофер. — Вчера ездили на примерку платья... Куда поедет?

Первым делом они поехали в универсамосторга за покупками. Петру Егорычу нужны были носки, а Зинаиде Михайловне — шолк на блузку.

Они, не торопясь, ходили по этажам универмага, останавливались подолгу у каждого прилавка.

— Петя, — сказала жена, — мы уже здесь около часа. Неудобно. Там шофер ждет.

— Ерунда! Это же не такси, денег не стоит. А трест не обеднеет...

Потом Ярцевы решили поехать к своим знакомым Холодильниковым, на Балчуг.

Зайдя в квартиру Холодильниковых, Зинаида Михайловна небрежно сказала мужу:

— Ты сказал шоферу, чтоб он никуда не уезжал?

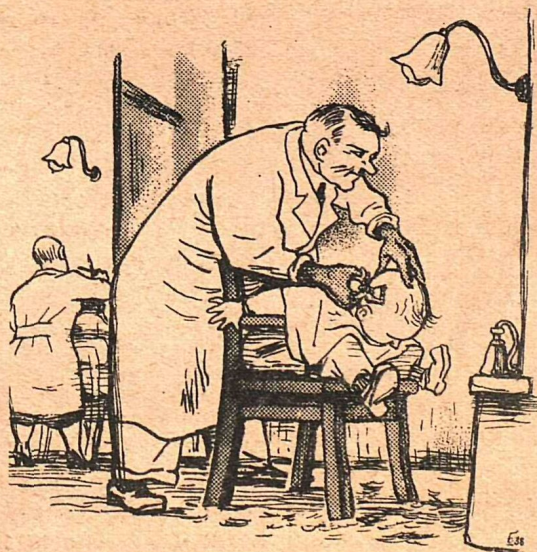
— Он знает, — ответил Петр Егорыч. — Он парень дисциплинированный.

Жена Холодильникова окинула мужа убийственным взглядом: «Вот, мол, как другие живут. Не то что мы...»

Пили чай. Слушали патефон. Беседовали о папанинцах.

ПАРИКМАХЕР, ПОЛЕГЧЕ!

Рис. В. Багровникова

— Дяденька, я же прошу только бокс, а вы мне и французскую борьбу показываете...

Часа через полтора Зинаида Михайловна шепнула Петру Егорычу:

— Не пора ли нам? Машина там...

— Ерунда! Это не такси...

От Холодильниковых они поехали в Третьяковскую галерею. Потом Зинаида Михайловна вспомнила, что она давно не была на могиле своей матери. Поехали на Новодевичье кладбище.

Там Зинаида Михайловна расчувствовалась. Желая ее развлечь и утешить, Петр Егорыч предложил поехать в Химки, осмотреть порт. Поехали, осмотрели.

— Ну, теперь хватит. Едем домой. Не правда ли, Зиночка, мы сегодня весело провели день.

— Очень весело. Спасибо Ивану Кузьмичу. Ты не забудь насчет премьеры...

Домой вернулись они часов через семь. Уже смеркалось.

Выходят они из машины и любезно говорят шоферу:

— Обязательно передайте привет Ивану Кузьмичу!

— И Нине Яковлевне!

Шофер приятно улыбается и говорит:

— Передать, граждане, прилетит всегда рад. А только разрешите узнать, кто они такие — Иван Кузьмич и Нина Яковлевна? ...Кроме того я спешу в гараж. С вас, граждане, причитается сто три рубля семьдесят копеек.

— То есть, как это сто три рубля семьдесят копеек? Что за чепуха!

— Лишнее не беру. По спидометру. Извольте убедиться.

И тут только ошеломленные Ярцевы заметили, что это такси.

— Откуда такси? — закричал Петр Егорыч. — Почему такси? Мы же сели в машину Ивана Кузьмича?

— Где вы сели в машину этого самого Кузьмича?

— Около нашего подъезда.

— А в мою машину, — говорит шофер такси, — вы сели около универмага, на Петровке. Вышли с покупками и сели. Опечатка, значит, вышла.

— Почему вы нам не сказали, что вы такси? Это обман! Издевательство! Почему вы, не говоря худого слова, катали нас целый день по всей Москве? Боже ты мой, даже на кладбище к теще!.. Почему вы нас сразу повезли? Ничего не понимаю. Почему вы не сказали, что вам не в ту сторону? Теперь я из-за вас платить должен. Я не люблю ездить на такси.

Шофер улыбался.

— Честное слово, я не виноват, что вы спутали. У меня уже это второй случай такой... Ну, ничего. Сто три рубля семьдесят копеек. Очень прошу не задерживать меня. Я еще не обедел.

Г. РЫКЛИН

Хочется поговорить

ПОЧТИ ПО ЧЕХОВУ

Каблукова — работника товаропроводящей сети — несправедливо уволили со службы. Каблуков подавал жалобы, хлопотал, надеялся и отчаивался и, наконец, обратился к прокурору. Прокурор предложил явиться за ответом через неделю.

За это время Каблукову удалось достать новые справки и удостоверения, которые казались самыми убедительными.

В 11 часов утра Каблуков сидел уже в приемной прокурора и в сотый раз мысленно повторял речь, которую он произнесет сейчас, предъявляя новые документы.

Очень скоро Каблукова ввели в кабинет прокурора. Прокурор поднялся навстречу и ласково заговорил:

— Товарищ Каблуков, если не ошибаюсь?..

— Да, да...

— Ну ваше дело мы решили.

— Как, то есть, решили? — холодея, переспросил Каблуков.

— Решили в вашу пользу. Мы предложили администрации восстановить вас на работе.

Каблуков охнул от радости. Сейчас же появилась мысль, что надо как-то ответить прокурору, но в голове была только заготовленная речь. И поэтому Каблуков начал так:

— Спасибо вам, товарищ прокурор. Тем более я имею новые данные... Вот, взгляните, справка... «Дана сия в том, что шпингалеты, задвижки и щеколды, отпущенные с базисного склада 13 декабря по наряду №...» Идем дальше. Вот удостоверение с места моей прежней работы... Читайте: «Гр-н Каблуков В. С. проявил себя как общественник, а также как незаурядный работник на скобяном фронте...»

Прокурор мягко перебил:

— Все это сейчас несущественно. Мы уже сделали свой вывод...

Тут прокурор обратился к вошедшей секретарше и приказал:

— Вера Митрофановна, дайте на руки вот товарищу Каблукову копию нашего решения. (И опять: Каблукову.) Мы уже послали это решение туда, на место вашей работы. А копию дадим вам...

Поблагодарив прокурора, Каблуков вышел в приемную. Пока секретарша искала бумагу, он с удивлением ощутил, что неудовлетворен оборотом, который приняло дело. Энергия, накопленная для защиты своих интересов, убедительные новые данные и документы — все это требовало применения. И, подойдя поближе к секретарше, Каблуков заговорил:

— Вы как будто в курсе моего дела, товарищ?.. Ни с того ни с сего увольнять человека. И, заметьте, во время командировки. Я приезжаю, а мне говорят: — «Вы уже больше не заведующий скобяной секцией». — «Почему? Что? Как? — «Так и так, мол, допускаете затоваривание в отношении шпингалетов, задвижек и щеколд...» Я туда, я сюда...

— Распишитесь, товарищ, в получении копии, — мягко, но настойчиво сказала секретарша.

Даже изучение этого волнующего документа не охладило Каблукова. Копия была почти выучена наизусть, и опять захотелось поделиться с кем-нибудь так и невысказанными доводами.

Каблуков был уже у под'езда. Пожилой гражданин подле двери показался ему подходящим наперсником.

— Вы тоже к прокурору? — начал Каблуков, поровнявшись с гражданином. — Это вы — правильно. Прокурор во всех таких конфликтах — первый человек. Возьмите мое дело: уезжаю я в командировку на 10 дней. Хорошо. Приезжаю и уз-

наю, что я уже не возглавляю скобяной секции. Я говорю: позвольте...

Пожилой пражданин грустно всхлипнул и неожиданно тоненьким голосом пропищал:

— Это не мне надо рассказывать, товарищ: жалуйтесь прямо прокурору. А я здесь швейцар.

— Извиняюсь, — сказал Каблуков.

Он шел по улице, оплядывая прохожих, в рассуждении, кому бы поведать застрявшую в горле речь. Людей вокруг было множество, но никто даже не остановил взгляда на Каблукове. Каблуков подошел к трамвайной остановке, и вдруг он увидел некоего Гостюхина, вообще говоря, личность неприятную, с которой Каблуков очень не любил общаться. Но тут Каблуков обрадовался Гостюхину, как отцу родному.

— Кого я вижу?! — преувеличенно громко заговорил Каблуков, подходя к Гостюхину. — Сколько лет, сколько зим?! Ну, как вообще?

Гостюхин равнодушно пожал протянутую ему руку и в свою очередь вяло спросил:

— А ты как поживаешь?

Этого только Каблукову и нужно было. Захлебнувшись от волнения, он начал:

— Можешь представить: полностью восстановлен плюс оплата за прогул. Тем более теперь не сезон и щеколды, задвижки, шпингалеты вообще не являются дефицитными. А что они мне пытались пришить купорос, то это вообще не моя секция, а москательная...

Гостюхин, склонив голову на бок, прислушивался так, как будто Каблуков внезапно стал издавать совсем несвойственные человеку звуки, например запел бы петухом или заскулил щенячьим. Затем Гостюхин крикнул:

— Молодец! Так им и надо! Ну, пока!.. — и, кинувшись на мостовую к трамваю, мгновенно исчез в омуте задней площадки.

Каблуков растерянно посмотрел вслед. Будучи уже не в силах остановиться, он обернулся к гражданке, стоящей рядом, и стал рассказывать ей с того места, на котором дезертировал Гостюхин:

— Получаю, значит, справку: «Базисный склад подтверждает, что факт затоваривания не подтвердился, а что касается купороса...»

Гражданка молча отошла в сторону и, уже отойдя, обиженно фыркнула.

Покраснев, Каблуков отправился дальше.

Через несколько домов пыливый взгляд его обнаружил дворника, стоявшего у ворот со скребком в руках в некогда белом фартуке. Дворник неспеша и величественно оглядывал подвластный ему участок.

Каблуков, подойдя к дворнику, подхалимски кивнул на мостовую и спросил:

— Неужели все вам одному приходится убирать?

— А кто же за меня будет? — важно откликнулся дворник.

— Ужасно, сколько всего... мусору то есть... прямо — затоваривание. Кстати, вот о затоваривании... Приписывают, понимаете, мне ни с того ни с сего, что будто у меня полное затоваривание задвижками, щеколдами, шпингалетами...

— А ну, дыхни! — грозно сказал дворник. — Дыхни-ка на меня!.. Что за чорт: чем надо, не пахнет...

Каблуков вздохнул и направился домой. Ему несколько полегчало.

В. АРДОВ

ДЕЛА СМЕТНО-СТРОИТЕЛЬНЫЕ

Рис. М. Черемных

- Не знаю, как мне быть: преуменьшить или преувеличить смету?
- А ты ее составляй такой, какой она должна быть.
- Фу чорт, это мне даже не приходило в голову.

Дорогой Крокодил!

(П И С Ь М А Ч И Т А Т Е Л Е Й)

Дорогой Крокодил!

Коллектив киностудии «Союзмультфильм» еще к двадцатой годовщине Октября выпустил первый в практике студии политшарж.

Работая сверх плана и безвозмездно, художники-мультипликаторы, режиссеры, фазовщики, залившки,—словом, все цеха закончили к 29 октября политшарж «Кого мы били» — о врагах народа. Фильм мог идти на экране в дни великой годовщины, но...

Прежнее руководство ГУК посмотрело, «одобрило» и... положило картину на полку. Срок был пропущен.

Перед двадцатилетием Красной Армии и Военно-Морского Флота студия вновь подняла вопрос о фильме перед новым руководством ГУК. Новое руководство одобрило фильм и предложило передать его для окончательной визы в Главрепертком. Начальник Главреперткома тов. Васильевский, просмотрев фильм, заявил, что никаких замечаний не имеет, но... хорошо бы еще немножко «посогласовывать» этот вопрос.

В результате — и в дни годовщины Красной Армии фильм не увидел экрана, а советский зритель не увидел фильма.

Сейчас в связи с судом над бандитами из «право-троцкистского блока» фильм приобретает особую актуальность, но все остается по-прежнему.

Пять месяцев лежит первый советский мультипликационный политшарж и ждет, пока тов. Васильевский не перестанет бояться «как бы чего не вышло».

Не кажется ли тебе, что наш опыт, наша дружная работа, наша инициатива создания актуальной политсатиры заслуживает большего внимания?

Не кажется ли тебе, что самый факт столь продолжительного маринования Главреперткомом политического шаржа, направленного против врагов народа, заслуживает именно твоего внимания?

Бюро творческой секции киностудии «Союзмультфильм». Режиссеры:

СУТЕЕВ,
БАБИЧЕНКО,
ВАНО

Москва

Дорогой Крокодил!

До сих пор газета «Дзержинец», орган Дзержинского горкома ВКП(б) и горсовета (Горьковская область), не разъяснила своим читателям, кто же, наконец, является автором стихотворения «Наш закон», напечатанного в газете от 17 декабря прошлого года и подписанного В. Шилин (завод № 96). Еще в октябре оно было напечатано в «Правде», но за подписью не Шилина, а С. Кирсанова.

Нужно отдать должное В. Шилину. Он не бюрократ, не придерживался буквы стихотворения. Всюду, где у Кирсанова сказано в настоящем времени, у Шилина — в прошедшем. Например у Кирсанова:

«Скоро будут большие выборы. В декабре в—снежно-белый день — мы прочтем, осторожно выверим и опустим свой бюллетень».

А у Шилина:

«У нас были большие выборы, в декабре, в снежно-белый день. Мы прочли, осторожно выверили и опустили свой бюллетень» и т. д. и т. п.

Теперь всем совершенно ясно, что В. Шилин — не формалист. Он только литературный жулик.

А. ЧУГУНОВ

Дзержинск

Горьковской обл.

Товарищ Крокодил!

В свое время семь греческих городов оспаривали право называться родиной великого греческого поэта Гомера. Прошло несколько тысяч лет, и вот у нас, на крымском курорте Гурзуф, два учреждения оспаривают друг у друга право владения местным пушкинским домом-музеем. Споры нет, каждой культурной организации лестно принять на себя почетные обязанности сохранения в целостности дома, в котором сто с лишним лет тому назад проживал великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин. Но в данном случае речь идет о двух, безусловно, некультурных организациях — о Союзкурорте и Гурзуфском поселковом совете. Союзкурорт через несколько дней после торжест-

венного переименования пушкинского дома в музей, которое имело место во время прошлогодних пушкинских торжеств, тихо, безо всякой помпы, превратил только что открытый музей в общежитие.

Поселковый совет, конечно, вкорме несогласен с этим кошунственным мероприятием Союзкурорта: он хочет отобрать у последнего музей и превратить его в... родильный дом.

А многочисленные экскурсанты, приезжающие в Гурзуф, чтобы посетить домик великого поэта, уезжают, произнося весьма неслестные слова по адресу обеих высоких ругающихся сторон. И правильно делают, что произносятся.

Г. САТИРОВ

Гурзуф.

Дорогой Крокодил!

Недавно я слушал выступление эстрадного артиста Ильи Набатова. Большой политической пошлости мне давно уже не приходилось слышать. Отдельные куплеты исполнявшихся Набатовым «песенок» просто политически непристойны. Надо полагать, что не за этот свой репертуар он получил почетное и обязывающее звание — заслуженного артиста республики. Интересно, кто отвечает за то, что эта пошлятина исполняется на советской эстраде.

Ясно только, что тот, кто за это отвечает, должен ответить как можно скорей.

Е. ПОЯРКОВ

Уважаемый Крокодил!

Наша артель «Ульяновский печатник» получила от старшего врача ленинградской пригородной промстрахкассы Михайлова разверстку санаторно-курортных мест на I квартал этого года. Суровый Михайлов категорически предлагает нам «строго руководствоваться» такими цифрами разверстки: 0,2 путевки на курорт.

Согласись, уважаемый Крокодил, что необыкновенно трудно сделать так, чтобы две десятых нашего стахановца

нежились на солнечном пляже Черноморского побережья, а остальные восемь десятых плескались бы в это время в мутных водах нашей ленинградской Фонтанки.

Очевидно, Михайлов имеет в этом деле кое-какой опыт. Судя по составленной им разверстке, он оставил голову (0,2 туловища) где-то на курорте, а свою брэнную безголовую тушу (0,8) привез обратно в Ленинград. Самые обидные это то, что руководители промкассы не заметили этого прискорбного анатомо-патологического случая.

КУБАЕВ, БИБОВ

Дорогой Крокодил!

Я шофер автобазы Скорой помощи института имени Склифасовского в Москве. Шофером работаю много лет и профессией своей доволен. Двадцать третьего февраля мне вручили путевку и предложили ехать за роженицей.

Я спрашиваю:

— А какой врач поедет со мною?»

На меня удивленно посмелотрели:

— Никаких врачей не полагается.

Я взмолился:

— Помилуйте, что я буду делать, если в моей машине вдруг, вне всякого регламента, появится на свет новый гражданин? Ведь я же никогда в жизни не был акушеркой?!

Напрасно я доказывал, что при получении шоферских прав никто даже намеком не предупреждал меня, что мне придется заниматься таким делом. Дежурный врач был неумолим.

Я отказался ехать без медперсонала. Тогда меня вернули обратно в гараж, учинив на путевке соответствующую резолюцию по поводу моего отказа.

Я читал где-то, что кто-то еще очень давно как-то выразился:

— Если прикажут, и акушером станешь!

Я думаю, что — это исторический анекдот, не более. Но, как видишь, сам, дорогой Крокодил, глубоко ошибся.

Шофер Е. БЕЛОВ

Москва

Всем приказам приказ

Логика — не вредная вещь для приказа. Когда это правило не соблюдается, получается произведение, вроде приказа по конторе Райтрансторгпита 1-го отделения Ташкентской железной дороги от 31 января 1938 года. В этом приказе начальник Райтрансторгпита Фрасенюк очень интересно в двух пунктах провернул дело некоего гр-на Филипенко:

§ 1.

«Начальником рыбхоза Райтрансторгпита с 31/1 38 г. назначить Филипенко П. Б. Виноградову сдать, а Филипенко принять все ценности Рыбхоза к 5/II 38 г. Акт сдачи-приема представить в контору Райтрансторгпита. Начальника треста Трансторгпита Ташкентской ж. д. прошу утвердить настоящий приказ.»

§ 2.

Зам. нач. Райконторы Райтрансторгпита — т. Филипенко П. за появление на работе в пьяном виде в рабочее время, как не обеспечивающего выполнения возложенных на него обязанностей, в дальнейшем с работы снят с 31/1 38 г.... Прошу начальника треста Трансторгпита данный приказ утвердить.»

Напрасны ваши просьбы, тов. Фрасенюк. Хоть в ногах валяйтесь у начальника треста, все равно он этот приказ не утвердит. Нормальный человек такой бред утвердить не может.

Признание налету

Есть люди, так наловчившиеся в признании своих ошибок, что делают таковые признания с легкостью, поистине необыкновенной, так сказать, налету.

Очаровательную непосредственность проявило в этом трудном деле руководство Мишкинской райконторы Союзплодоовоща (Челябинская область). В письме, адресованном Челябинскому райтрансторгпиту, Мишкинская райконтора

«...извещает, что выписанный нами счет № 164... по фактуре № 103 следовало выписать капусту, морковь, грибы соленые, а нами неверно выписан счет на картофель, на что сделан большой политический ляпсус...»

Тонкие политики работают в Мишкинской конторе Союзплодоовоща!

Серьезная повестка

Элистинские допризывники (Калмыцкая АССР) получили недавно повестку:

«Элистинский горсовет предлагает вам 19 февраля с. г., к 7 часам вечера, без никаких отлагательств и опозданий, явиться в клуб автогаража на общегородскую конференцию допризывников, посвященную 20-й годовщине РККА и Военно-Морского Флота. Причем при явке иметь: 1. Лично написанную автобиографию. 2. Производственную характеристику с места работы. 3. Если комсомолец, то комсомольскую характеристику.»

За неявку будете привлечены к ответственности.

За председателя горсовета ВОТХОНОВ.
Военный инспектор горсовета ГАЛЕНГИНОВ.»

Итого, три документа, совершенно не нужных для учащихся в торжественном собрании, и одна угроза, абсолютно неуместная при приглашении на праздник.

Вотхонов, Вотхонов, что вы подписываете!

Рис. Л. Сойфертиса

ВИНОВНИК ТОРЖЕСТВА

ФОТОРЕПОРТЕР:— Вы управдом? Тогда станьте у помойной ямы: я хочу оживить пейзаж человеческой фигурой.

Третьяк, Третьяк!

Есть в Каневском районе, Краснодарского края, административная комиссия райисполкома. Имеются нарушители правил об охоте и имеется кроме того районный прокурор Третьяк. Как-то два гражданина нарушили правила об охоте, за что с них полагался штраф в установленном размере.

Запросили у прокурора Третьяка, как обстоит дело со взысканием штрафа с нару-

шителей правил об охоте. Третьяк подумал и ответил так:

«Вследствие бездействия гр-н Каневского рика штраф с гр-н Завалый и Зыбка не взыскан и не налагался и согласно закона дело прекращено.»

Действительно, положение безвыходное: комиссия рика бездействует. Не принимать же в самом деле прокурору меры к тому, чтобы комиссия действовала. Уж лучше сослаться на закон.

Еще одно доказательство старой истины, что Третьякам закон не писан.

Редколлегия: МИХ. КОЛЬЦОВ, Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 80 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 275

Сдача текста и рисунков 7/III—38 г.

Подп. к печати 14/III—38 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

Уполномоченный Главлита № Б - 42342. Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 602. Тираж 275 000 экз.

45
 РАЙОНА
 17 МАР 1938
 ПОЛУЧЕНЫ

	Период в днях	Дл. в часах	Курн. лет
Получ. в р...	19/11	21/11	
Б...	19/11	21/11	

107
38

Рис. Ю. Ганфа

ЯПОНСКИЙ МЕДВЕДЬ НА КИТАЙСКОЙ ПАСЕКЕ